

О. К. Ямашкина, Функциональная значимость послеложных конструкций в мокшанском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 2005, 140 с.

14. декабря 2005 г. на заседании диссертационного совета Д 212.117.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Ольги Кузминичны Ямашкиной на тему «Функциональная значимость послеложных конструкций в мокшанском языке».

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора Д. В. Цыганкина на кафедре мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук А. Н. Келина (Саранск).

Одну из существенных задач финно-угроведения и уралистики составляет решение вопроса о становлении и развитии послелогов и послеложных конструкций. Еще И. И. Мещанинов в монографии «Члены предложения и части речи», которая была впервые издана в 1945 году, высказал мнение о том, что послелоги, как и предлоги, восходят к отдельным значимым лексическим единицам, к словам (Ленинград 1978, с. 361).

По мнению исследователей финно-волжской языковой общности, окончательное оформление типов послелогов в мордовских и марийском языках произошло в процессе их самостоятельного развития (Финно-волжская языковая общность, Москва 1989, с. 256).

Несмотря на неоднократные попытки объяснить послелоги и послеложные слова, до настоящего времени в мордовском языкознании нет сколько-нибудь стройной теории о функционально-семантической значимости послелогов в мокшанском языке.

Тема работы О. К. Ямашкиной весьма актуальна и обращение к ней свое-

ременно не только для разработки общетеоретических вопросов сравнительной грамматики мордовских языков, но и для решения более общих проблем финно-угроведения, связанных с природой грамматических значений.

Структура исследования (140 с. компьютерного набора) отличается стройностью и логичностью. Оно состоит из предисловия (с. 4—7), введения (с. 8—18), основной части, включающей три главы (с. 19—122), заключения (с. 123—127). Библиографический список содержит 97 наименований (с. 128—137), список использованных источников — 24 наименования (с. 138—139).

Следует оговориться, что разделы и подразделы глав, выделенные на основе индексационного принципа, далеко не однородны как в смысле широты охвата языковых фактов, так и по характеру изложения. Неравный объем привлекаемых лингвистических данных обусловлен тем, что в одних случаях функционально-семантическое поле послелогов характеризуется широким спектром значений (обстоятельственные послелоги), в других — семантическая емкость послеложных слов, образуемая более частными грамматическими значениями, не велика (объектные послелоги).

Композиция работы соответствует решению поставленной цели — функционально-семантическое описание категории послелогов в мокшанском языке. В центре внимания автора находятся такие узловые вопросы, как систематизация послелогов, выявление их дифференциальных признаков, выяснение наиболее характерных функционально-семантических групп и их обобщающий анализ, описание функционально-семантических особенностей каждого послелога (с. 4).

Специфика объекта исследования и характер самой проблемы определили в качестве основного метода дескриптивный, оперирующий наблюдениями

над фактами современного мокшанского языка в контекстах художественной литературы и в произведениях устного народного творчества. Использовался также сопоставительный метод (там, где это казалось уместным). Его приемы, позволяющие проецировать исследуемый материал на иную языковую почву, особенно эффективны применительно к родственным языкам, в частности к мокшанскому и эрзянскому. При определении количественного соотношения функционально-семантических групп мокшанских послелогов применялся квантитативный метод исследования (с. 4—5).

Общетеоретической и методологической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные лексикологии и морфологии финно-угорских языков.

Предисловие (с. 4—7) содержит обоснование темы и общую характеристику работы; раскрывается ее новизна, практическая и теоретическая значимость; указываются основные методы и источники исследования; отмечается апробация основных положений.

Во введении (с. 8—18) освещается историография послелогов в мордовских языках. Отмечая недостатки имеющихся работ, О. К. Ямашкина не забывает и об их позитивной стороне. Она в основном права, что «анализ литературы показывает, что в науке нет единого подхода к изучению послелогов, существуют разные взгляды на проблему грамматической сущности послелогов (мордовских языков — А. К.), их функций, значений, выражаемых ими отношений» (с. 17).

В первой главе «Общая характеристика мокшанских послелогов» (с. 19—43), состоящей из семи разделов и подразделов, приводится определение этой категории служебных слов из «Грамматики мордовских языков» (Саранск 1980), на которое опирается автор (с. 19).

О. К. Ямашкина справедливо подчеркивает, что послелогов являются лексическими единицами, имеющими как грамматические (общее и частное), так и лексические значения. Их общее значение — передача различных отноше-

ний между знаменательными словами; частное грамматическое — это значения, присущие всем служебным словам одной функционально-смысловой группы (для послелогов — пространственные, временные, причинные и др.) (с. 20).

Что же касается лексических значений, то они, по мнению О. К. Ямашкиной, настолько тесно связаны с грамматическими, что правильнее было бы назвать их лексико-грамматическими (с. 21). Следовательно, автор права, когда исходит, в отличие от многих лингвистов, из понимания сущности послелогов как единиц не чисто грамматического плана, а совмещающих грамматическую функцию с особым рода лексическим значением. Последнее, по ее мнению, проявляется в выражении разных более или менее конкретных, более или менее отвлеченных отношений между предметами, действиями и явлениями действительности (с. 21).

Автор работы солидарна с мнением К. Е. Майтинской: релятивные слова в финно-угорских языках по падежам не изменяются, несмотря на то что в этих языках на основе разных падежных форм одного и того же имени могут формироваться серийные послелогов, т.е. единицы типа мокш. *бок-са* 'у' (где?; *-са* — суффикс инессива), *бок-с* 'к' (куда?; *-с* — суффикс иллатива), *бок-ста* 'от' (откуда?; *-ста* — суффикс элатива) (с. 22).

Говоря о генезисе послелогов, автор работы обоснованно отмечает, что по происхождению от слов разных категорий послелогов делятся на два основных разряда: I — послелогов, сформировавшиеся на базе слов собственно языка (здесь, конечно, речь должна вестись о послелогов, сформировавшихся на базе слов собственно мордовских языков. — А. К.); II — послелогов, входящие к «готовым» послелоговм других языков, т.е. заимствованные релятивные слова (с. 29).

С позиции современного финно-угроведения определяется природа послелогов, оформившихся на базе слов собственно мордовских языков. Большая часть их отыменные, затем идут

адвербиальные, встречаются и послелого, образовавшиеся на основе элементов, выделившихся из слов путем переразложения их основы (с. 31).

По свидетельству О. К. Ямашкиной, серия пространственных послелогов может состоять из четырех основных членов. При этом, ссылаясь на работу Р. Штёбке, она отмечает, что такая схема характерна для языков, в падежной парадигме которых представлен (или был представлен) отдельный падеж с пролативным значением, выражающим направление действия вдоль чего-либо, по чему-либо. Четырехчленные серии, как она уточняет, выявляются прежде всего в мордовских языках и менее последовательно в саамском и прибалтийско-финских, ср. мокш. *ала* 'под' (локатив), *алу* 'под' (латив), *алда* 'из-под' (аблатив), *алга* 'по низу чего-либо' (пролатив) < *ал* 'низ' (с. 32).

Небольшой раздел первой главы посвящен заимствованным послелогам (с. 33—34). Проблема интерпретации лексических единиц этого разряда сводится к тому, что к ним не могут быть отнесены элементы, которые в языке-источнике еще не употреблялись в качестве послелогов, например, мокш. *бокса* 'около', *бокста* 'от', *бокс* 'к', *бокова* 'вдоль' нельзя считать заимствованными, ибо в русском языке, откуда они восприняты, нет предлогов, оформившихся на основе существительного 'бок'. Кроме того, в состав перечисленных послелогов вошли падежные суффиксы мокшанского языка.

Нельзя считать заимствованными также релятивные слова, которым в языке-источнике соответствуют отыменные послелоги. Например, мокш. *ёнца* 'у', *ёнца* 'из', *ёну* 'к', *ёнга* 'вдоль' не могут оцениваться как заимствования по той причине, что вначале было воспринято тат. *ян* 'бок, сторона', от которого уже на мокшанской языковой почве посредством суффиксов местных падежей образовались серийные послелоги, хотя в татарском языке от слова *ян* также образовались серийные послелоги. Возникает вопрос: а какие послелоги татарского языка, восходящие к *ян*, имеются в виду? Они почему-то не приводятся.

К сожалению, отсутствие реестра мокшанских послелогов затрудняет определение их языковой принадлежности, т.е. являются ли они исконно мордовскими образованиями или оформились на базе заимствованных лексем.

Что касается тат. *ян*, а также *ара*, *ас*, *өст* и *вакыт*, *сэбэн*, *мэл*, *уры*, *заман*, как полагает С. М. Ибрагимов, их можно отнести к послеложным словам. Они отличаются от послелогов тем, что имеют живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи с знаменательными частями речи, могут выступать в роли как знаменательных слов, так и средств связи между словами (С. М. Ибрагимов, *Послелоги и послеложные слова. — Татарская грамматика. Т. 2. Морфология*, Казань 1997, с. 306). Ср. также послелоги, образованные от *ян*: *янына* 'к', *янында* 'возле, около, у'; *Бородино янында булган сугыш* 'битва при Бородине'.

В разделе «Звуковые комплексы в мокшанском языке, соотносимые с разными частями речи» (с. 34—43) рассматриваются омонимичные формы одного и того же слова, выступающие в различных контекстах в роли разных частей речи. Интересно бы узнать, встретились ли автору гетеронимичные лексические единицы, т.е. слова разных языков, совпадающие по форме (звуковому составу), но имеющие иные значения?

Завершая обзор главы, отметим, что анализируемый материал О. К. Ямашкиной строго систематизирован. Глава богата ценными сведениями о лексико-грамматических значениях послелогов мокшанского языка.

Вторая глава «Функционально-семантическая характеристика обстоятельственных послелогов» (с. 44—107) состоит из пяти разделов: «Послелоги, выражающие пространственные отношения», имеющий четыре подраздела (с. 44—92); «Послелоги, выражающие только временные отношения» (с. 93—96); «Послелоги, выражающие причинно-целевые отношения» (с. 96—101); «Послелоги, выражающие сравнительно-сопоставительные отношения» (с. 102—106); «Послелоги, выражающие отношения

образа действия, меры и степени» (с. 106—107). Для характеристики функциональной нагрузки послелогов в качестве первичной формы берется конструкция: глагол + имя существительное в соответствующем падеже + послелог: *шаронды ваномать инголе* 'крутиться перед зеркалом' (с. 45).

При интерпретации смыслового содержания послелогов делаются этимологические экскурсы. Так, послелог *тейге* 'около' имеет следующее пояснение: «В мордовских языках некогда существовало слово *теу* со значением 'основа'. В современных мордовских языках оно исчезло. Это слово имеет параллели в родственных языках, ср. фин. *tuvi* 'основа', мар. *tən, tun* 'основа'» (с. 57).

Однако в генетически сопоставимый материал родственных языков следует внести существенные коррективы фонетического плана и семантического характера, ср. фин. *tuvi* 'основание, корень', марГ *tʲɨng* (< *təŋ); марЛ *tijŋ* (*tiiŋ*) 'основа, основание; коренной, изначальный'.

Из реальности лингвистических фактов О. К. Ямашкина приходит к существенному выводу о том, что мокшанский язык богат послелогоми, имеющими потенциальные возможности для выражения пространственных отношений. В зависимости от семантики сопровождаемых ими существительных они ведут себя по-разному, внося в выражение пространственных отношений определенный оттенок: «внутри» или «внутри»; указание на поверхность, где что-то находится, совершается какое-то действие или на которую что-то направлено, в пределах которой что-нибудь помещается; местоположение «позади» или движение по ту, по другую сторону чего-нибудь; распределение действия по поверхности предметов или пространств; действие или пребывание выше, поверх чего-нибудь; движение изнутри или от предмета и т.д. (с. 93).

Весьма правомерно утверждение О. К. Ямашкиной о том, что в мокшанском языке при помощи послелогов выражаются разнообразные темпоральные

отношения: продолжительность, определенный момент, приблизительный момент, непрерывность, постоянство действия в течение определенного времени, последовательность явлений, действие в середине промежутка времени, действие (близко) перед каким-либо явлением, действие после какого-либо явления, действие в завершающий период времени, промежуток между явлениями, событиями и т.д. (с. 95).

Выводы, к которым приходит автор, не вызывают сомнения. Глава насыщена хорошо проанализированными примерами из художественной литературы и периодической печати.

Третья глава посвящена функционально-семантической характеристике объектных послелогов (с. 108—122). Для суждения о широте подхода к данной проблеме достаточно привести названия шести разделов: «Послелог, выражающий предмет мысли, речи» (с. 108—113), «Послелог, выражающий совместные отношения» (с. 113—115), «Послелог, выражающий выделительные отношения» (с. 115—116), «Послелог, выражающий отношения замещения» (с. 116—118), «Послелог, выражающий значения обладания» (с. 118—119), «Послелог, выражающий орудийные отношения» (с. 120—121).

По свидетельству О. К. Ямашкиной, среди послелогов, выражающих предмет мысли, наиболее часто встречаются следующие: *колга*, эрз. *кувалт* 'о, об' 'про', 'насчет' (с. 108—109); *лангс*, эрз. *лангс* 'на' (с. 109—110); *кувалма* (*кувалмова*), эрз. *кувалма* 'о, об' (с. 110); *эзда*, эрз. *эйстэ* 'от' (с. 110—112); *эса*, эрз. *эйсэ* (с. 112—113) почему-то без перевода на русский язык. *эса* 'в' обозначает нахождение внутри чего-либо. Приведенный для сравнения мар. *гишан* (с. 113) встречается только в горном наречии. Однако настоящий его фонетический облик — *гишӑн*.

Совместные (комитативные) отношения, как показывает анализ, в мокшанском языке выражает лишь один послелог — *мархта* 'с, со', ср. эрз. *марто* 'с' (с. 113).

Выделительные отношения в мокшанском языке выражает один послелог

башка 'кроме', 'за исключением', 'наряду с', совпадающий с эрзянским послелогом *башка* (с. 115—116).

В мокшанском языке, по утверждению О. К. Ямашкиной, отношения замещения выражают послелог: *васте* 'за, вместо кого-, чего-л.', ср. эрз. *таркас* 'то же, эземс', эрз. *эземс* 'вместо, за' (с. 116—118).

Значение обладания выражают послелог *кядься*, эрз. *кедьсэ* (инессив) 'у' (с. 118), *кядьста*, эрз. *кедьстэ* (элатив) 'у, от' (с. 118—119), *кядьс*, эрз. *кедьс* (иллатив) 'к, у' (с. 119), *кядьгя*, эрз. *кедьга* (пролатив) 'по, у' (с. 119).

По мнению О. К. Ямашкиной, из послелогов, выражающих орудийные отношения, наиболее часто встречаются *вельде*, эрз. *вельде* 'по, посредством' (с. 120), *коряк*, эрз. *коряс* 'по' (с. 120). С той же целью употребляются *мархта* 'с', *эса* 'в' (с. 120—121).

Нельзя не согласиться с основными положениями, изложенными в этой главе. Большой интерес вызывает иллюстративный материал.

О. К. Ямашкина не без оснований подчеркивает, что в связи с многозначностью послелогов общее количество и сумма составляющих семантическую группу единиц не совпадают. В связи с

этим приводится таблица (с. 122), показывающая количественное соотношение функционально-семантических групп мокшанских послелогов.

Теоретическую часть работы завершает заключение (с. 123—127), содержащее умело сформулированные выводы по трем главам.

Несмотря на основательный анализ материала в работе все же имеются отдельные недостатки, стилистические погрешности в переводах мокшанских предложений на русский язык (с. 21, 34); орфографические описки (с. 17, 23, 47, 80) и некоторые опечатки в списке литературы (с. 128, 132, 135, 136, 137).

В теоретической части встречаются спорные положения, побуждающие к дискуссии.

Отмеченные неточности легко устранимы и не снижают общей положительной оценки исследования.

Теоретические положения и иллюстративный материал его могут быть хорошим подспорьем при составлении «Сравнительной грамматики финно-угорских языков», «Исторической морфологии мордовских языков», «Сопоставительной типологии русского и мордовских языков. Морфология».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)